

¹³ Финнова В.И. Даспль основы научного конформизма? // Известия Уральского Государственного университета. 1998. № 8. С. 88.

¹⁴ См.: Главацкий М.Е. История интеллигенции России как исследовательская проблема. Историографические этюды. Екатеринбург. 2003; Пропт О.В. Еще раз о конформизме интеллигенции // Интеллигенция России и Запада в XX–XXI вв.: выбор и реализация путей общественного развития. Екатеринбург, 2004.

¹⁵ См.: Гурова О.В. Трансформация поведенческих стратегий интеллигенции в переломные эпохи: В.Ф. Торский в 1931–1937 гг. (к вопросу о конформизме советской интеллигенции) // Интеллигенция России и Запада в XX–XXI вв.: выбор и реализация путей общественного развития. Екатеринбург, 2004.

¹⁶ Петренко М.С. Проблемы взаимоотношений интеллигенции и власти в начале 1950-х гг. (на материале Зап. Сибири) // Интеллигенция России в конце XX века: система духовных ценностей в исторической динамике. Екатеринбург, 1998. С. 121.

¹⁷ Котлова Т.Б., Раскатова Е.М. Интеллигенция и тоталитарное государство: к оценке взаимоотношений // Интеллигенция и власть на пороге XXI века. Екатеринбург, 1996. Ч. 1. С. 145; Раскатова Е.М. Отечественная художественная интеллигенция и реалии XX века // Интеллигенция России в конце XX века: система духовных ценностей в исторической динамике. Екатеринбург, 1998.

¹⁸ Чуфаров В.Г. Старая дореволюционная интеллигенция и новая советская интеллигенция: опыт сравнительного анализа // Российская интеллигенция: XX век. Екатеринбург, 1994. С. 148; Ермаков В.Т. Об исторической «вине» и ответственности российской интеллигенции в XX столетии // Там же; Янин В.К. Производственная и научно-техническая интеллигенция в условиях сталинского режима (конец 20-х – 30-е гг) // Интеллигенция и власть на пороге XXI века. Екатеринбург, 1996. Ч. 2.

*М.А. Фельдман
(Екатеринбург)*

Камерные заметки. К вопросу об «исчезновении интеллигенции» в российском обществе

Начало XXI в. ознаменовалось довольно необычным явлением в научном мире: дискуссиями по вопросу наличия или исчезновения в российском обществе интеллигенции.

Высказаны мнения о мифологичности самого понятия «интеллигенция»¹; об исчезновении интеллигенции в постсоветское время²; об утрате интеллигенцией ряда своих сущностных характеристик³. При этом произошло любопытное разделение труда: историки, продолжая многолетние изыскания, проводят всероссийские конференции по истории интеллигенции⁴, тогда как часть философов и социологов пришли к отрицанию существования самого предмета исследования. Вижу в этом и закономерность: момент разобщенности общества нашел отражение и в определенном отсутствии единства действий представителей гуманитарных наук.

Внимание ученых России к исследованиям судеб интеллигенции, как к составной части работ по истории культурных преобразований, во многом связано с многогранной научной деятельностью

В.Г. Чуфарова (1933–1994 гг.). Укажем на наличие серьезного обобщения исследований по истории интеллигенции России как исследовательской проблемы⁵, содержащего не только аналитику хода дискуссии по обозначенной проблеме, но и ее определенные итоги. К ним можно отнести: определение понятия интеллигенции как конкретно-исторического (а не абстрактного и данного «навечно»); использования комплексного набора критериев (прежде всего, социологического и морально-психологического) для дефиниции рамок социальной общности – интеллигенции; рассмотрения интеллигенции как многослойного явления, имеющего ядро и периферию, неоднородного генетически, регионально, профессионально⁶.

В этой связи особое внимание, как типичная, привлекает статья философа С.Б. Орлова «Интеллигенция как мифологический феномен. Историко-социологический анализ». Я разделяю точку зрения С.Б. Орлова о том, что представления о социальной структуре дореволюционного и советского общества были мифологизированы. В тоже время, доводы С.Б. Орлова о рассмотрении интеллигенции как мифологического феномена нуждаются, на мой взгляд, в критическом осмыслении.

Возникновение мифа об интеллигенции, говорится в статье С.Б. Орлова, связано с особенностями политического развития России. По мнению автора, только государство является решающей силой формирования социальной структуры⁷. Не сомневаясь в важной роли государства в указанном процессе, замечу, что определяющую роль в формировании социальной структуры играли и иные факторы: например, **характер экономики и фактор географического пространства**. Последний фактор, в частности, привел к созданию и длительному сохранению казачьих сословных групп. Встав на позицию рассмотрения государства как единственногодемиурга, создающего классы и сословия, автор указывает на случайность и вторичность появления самого термина «интеллигенция» в середине XIX в. Главную роль в этом сыграли средства массовой информации – литературные газеты и журналы⁸. Социальной основой интеллигенции, по мнению С.Б. Орлова, выступили разрозненные маргинальные группы разночинцев. Интеллигенция рассматривается в качестве социальной группы, противостоящей царской бюрократии, и только как слой, связанный с идеей социализма. Более того, именно разрозненные маргинальные группы разночинцев, из которых сформировалось движение народников, для самоидентификации использовали термин «интеллигенция»⁹. Естественно, у такого слоя никаких признаков, кроме самонимия, космополитизма, открыто выраженного отщепенчества, кружковой замкнутости, эгоизма и безликости¹⁰ (я перечислил далеко не все хлесткие характеристики интеллигенции, приведенные С.Б. Орловым) быть не могло.

В подтверждение своих слов **автор не приводит ни одного из многочисленных исторических исследований, посвященных интеллигенции XIX в.** Думается, в этом и заключается один из методологических просчетов автора. Историки довольно подробно дали ответ на поставленные вопросы¹¹. Зарождение интеллигенции как относительно многочисленного слоя было связано, прежде всего, с эпохой промышленного переворота, процессами модернизации в целом. Незавершенность промышленного переворота в масштабах всей России не только к 80-м гг. XIX в, но и к началу XX в.; по сути, длительная начальная стадия перехода от феодального общества к буржуазному, обусловили специфические социальную структуру общества, конструкцию интеллигенции. Детище буржуазной эпохи оказалось втиснутым в тесные рамки феодальной самодержавной монархии. Эта интеллигенция была в своей основе **дворянской**. Так по Всероссийской переписи населения 1897 г., 70 % студентов, учившихся в вузах, являлись дворянами. Не были исключением и технические вузы: здесь дворянами были 65 % студентов. Все это дает основание полагать, что, по крайней мере, из 85 тыс. человек в России с высшим образованием к 1900 г. 2/3 были дворянами. Более того, из 1,2 млн человек, вообще учившихся в гимназиях в 1860–1900 гг. более 300 тыс. составляли дворяне¹². Среди закончивших гимназии, удельный вес дворян был намного выше. Дворянская интеллигенция создала высочайшую культуру (в том числе и техническую), на которой и сегодня держится Россия.

Следует учитывать два обстоятельства. Во-первых, введение, точнее, массовое распространение платности обучения, его значительное повышение после 1861 г., лишило значительную часть молодежи (в том числе и дворянской) возможности обучения в гимназиях и вузах. Та разночинская интеллигенция, на которую ссылается С.Б. Орлов, это, как правило, категория лиц, заплативших дорогую цену за реформы 60-х гг., и получивших **отрывочное, незавершенное образование**. Что не мало важно, постоянно ощущавших свою **отчужденность** культурным запросам и традициям, доминирующим в обществе российских городов и дворянских поместий. **Весьма сомнительна в принципе принадлежность указанного разночинского массива к интеллигенции.**

Разделяя мысль Ю.Ф. Олешука о существовании в России общественного слоя, принятого за интеллигенцию, но на самом деле ею не являющегося¹³, замечу, что такой слой, как сколько-нибудь массовый, родился не в XX в.¹⁴, а на полвека раньше. Знаменательны слова Ю.Ф. Олешука об отличительных признаках указанного слоя – полуинтеллигенции: дефиците образованности, знаний, культурных запросов; полном неумении самостоятельно мыслить на общественные темы; нежелании «работать над собой»¹⁵. В советское

время полуинтеллигенция стала массовой, политической общественной силой, в силу масштаба «торопливого, массового, поверхностного, формально высшего образования». Чаще – заочного, вечернего, но нередко и очного. Подобное образование порождало и упрощенное понимание природы и сути вещей. Но перед нами только имитация интеллигенции¹⁶.

Во-вторых, сохранение феодального государства, монополия дворянства на политическую власть до 1864 г., и близкое к этому состояние после 1864 г., приводило недворянские слои образованного общества, разорившихся дворян, нерусскую интеллигенцию из Польши и Прибалтики – регионов с более ранним развитием капитализма, к оппозиции власти. Однако о какой же группе интеллигенции мы говорим? Миф действительно есть – **это представление об интеллигенции как о едином социуме**. Та часть интеллигенции, образование и культурное воспитание которой соответствовали индустриальной эпохе, оказывалась в состоянии выполнить важнейшую интегральную функцию образованного слоя общества: умножению культурного потенциала страны; передачи культурных традиций и просветительских знаний народу. На конфронтацию с властью была нацелена преимущественно полуинтеллигенция.

Что же касается советской эпохи, в 20-е гг. слой интеллигенции действительно пережил масштабное обновление. Основную массу новых пополнений составили социальные низы. В гигантском аппарате оказалась и сравнительно немногочисленная группа подлинных интеллигентов, вынужденная мимикрировать и раствориться в бюрократическом корпусе. Интеллигенция, как и говорил Ленин, **использовалась** по мере надобности, но в качестве звена, имеющего определенные функции. Несмотря на форсированное разрушение традиционных и устойчивых связей, отношений внутри самой интеллигенции и ее связей с другими социальными слоями и группами, еще в 20-е гг. XX в. можно говорить о сохранении отчетливо выраженной для среды старой интеллигенции корпоративной солидарности и профессиональной этики. Солидарность и взаимная поддержка проявляли себя в 1920-е гг. как в среде производственной интеллигенции, так и работавшей в аппарате управления, отмечает С.А. Красильников¹⁷. Конечно, интеллигенция становилась все более подконтрольной и управляемой сталинским режимом «прослойкой»¹⁸.

Однако и во времена тоталитаризма представители российской интеллигенции, выходцы из старой дореволюционной школы, не только хранили традиции: высокий профессионализм и чувство профессионального долга, ответственность и тщательность в работе, привычку к скрупулезному анализу, наконец, патриотизм, но и (по объективным причинам, пусть даже в неполной мере) сумели их

передать молодому поколению специалистов, возвращенному уже в советское время¹⁹. Кроме того, в иерархическом и жестко организованном сталинском обществе интеллигенция являлась самым мобильным элементом в системе социальных связей и отношений, придающим последней относительную устойчивость, целостность²⁰.

Формирование обширного слоя образованных людей с узкими функциональными задачами (инженеры, врачи, учителя) не меняло состояния подчиненности в тоталитарном государстве. Вместе с тем, сам характер умственной деятельности способствовал постановке критических вопросов. Анализ статей 30-х гг. XX в. показывает: зачастую специализированные журналы («Плановое хозяйство», «Хозяйство Урала», «Техническая учеба» и др.) превращались в трибуны, с которых интеллигенты давали отнюдь не парадную оценку состояния дел. Ограниченность, и даже узость сферы критики только подчеркивали сохранение одной из существенных характеристик российской интеллигенции - ее критическое отношение к действительности.

Интеллигентность подразумевала общность символического пространства, комплекса этических норм; верность исторической традиции. Люди, идентифицирующие себя по этим признакам, образовывали особую социокультурную группу с весьма подвижными границами. Кроме того, кодекс интеллигентского поведения не располагался на все ситуации. Он в большей степени регулировал поступки в частной жизни, нежели в публичной. Двойственность общественных ролей превращала интеллигенцию в весьма специфическое социальное образование, значимое в сфере повседневности, но зато ярко манифестирующее себя в области внешних по отношению к нему культурных форм, растворяющееся в среде служащих социалистического государства, но отличающееся от городского и сельского мещанства стилевыми отличиями²¹.

Советская интеллигенция была порождением специфической социокультурной ситуации, в которой образование считалось единственным легитимным институтом вертикальной социальной мобильности. Образование давало право на занятие статусных позиций в обществе, а также компенсировало некоторые виды социальной ущербности: происхождение, отдаленность от властных структур²². Проблема заключалась в соотношении качественного и некачественного образования, научных и ненаучных знаний; в прочности чисто человеческих качеств, культурных традиций. В условиях углубленной «советизации» специалистов, правящий режим требовал перехода последних от состояния лояльности к полной поддержке власти. Значительно выросли крайние группы в составе интеллигенции - как бюрократизированная, номенклатурная, так и маргинальная.

Социальная неоднородность дореволюционной интеллигенции, специалистов первых десятилетий советской эпохи получила освещение в научной литературе, в том числе исследователей, принадлежавших к школе В.Г. Чуфарова²³. К сожалению, менее изучена история социального расслоения интеллигенции в послевоенное время. Бытовые, поведенческие, культурные, национальные отличия у различных групп интеллигенции (и полуинтеллигенции!) в СССР накапливались по мере роста самого массива специалистов; усиления дифференциации возможностей изучения мирового опыта развития культуры. В конечном итоге, они и определили различные позиции, занятые представителями интеллигенции в период перестройки и постперестройки 90-х гг.

Советская интеллигенция стала решающей силой в создании научного и экономического потенциала великой державы. Накопление критического материала привело сначала к появлению в составе интеллигенции «шестидесятников» и диссидентов, а затем к всплеску политической активности конца 80-х гг. Интеллигенция, сумевшая проститься с догматическим вариантом марксизма в начале XX века, повторила это же в конце XX века. Но вот беда: и там, и там не обошлось без заламывания рук, самобичевания. Грех соучастия некоторой части интеллигенции в революции был назван «Вехами» вполне определено. И связан, сколько помнится, с философской недалекостью. Грех соучастия в развале СССР, ускоренной антисоциальной приватизации еще не признан: авторы чаще бывают у побед.

Оторванность от многих достижений мировой цивилизации, засилье полуинтеллигенции среди корпуса специалистов и управленцев сыграли плохую службу в подготовке и реализации реформ в России. Справедливое суждение Ю.Ф. Олещука – именно представители полуинтеллигенции, а не интеллигенции сыграли ключевую роль в неудачных преобразованиях 80-х и 90-х гг. минувшего столетия²⁴ – нуждается в горьком комментарии: значительная часть людей с высшим образованием, вышедшая из советской эпохи, должна быть отнесена к полуинтеллигенции.

Распад СССР означал, по мнению Р.В. Рывкиной, и исчезновение социального слоя интеллигенции, как результат слома советской социальной стратификации. Закономерность такого явления, автор видит в том, что исчезновение определенных социальных слоев на переломе эпох – не исключение, а скорее закон трансформации социальных систем²⁵. Однако далее Р.В. Рывкина указывает на совсем иное: исчез тот конкретный слой интеллигенции, который занимался коммунистическим воспитанием населения²⁶. С этим согласны и другие авторы: ушла та часть интеллигенции, которая была связана с идеологическим обслуживанием утопий советской власти²⁷.

Исторично замечание О.Л. Лейбовича: реформы 90-х гг. с высокой степенью интенсивности уничтожают интеллигенцию, как особую социокультурную группу. Прежде всего, тем, что сводят на нет условия для существования и воспроизводства ее социальной среды²⁸.

Конечно, остается и даже растет корпус людей с высшим образованием. Но, превратившись в одну из маргинальных групп, значительная часть интеллигенции вместе со скромным благополучием утратила и социальный статус. Подтвердилась давно известная истина: социальные группы, неспособные сформулировать ответливую политику в защиту своих интересов, сформировать влиятельные общественно-политические структуры для реализации этой политики, оттесняются на социально-экономическую обочину и деградируют²⁹. Опасность углубления такого процесса в нашей стране не исчезла и в начале XXI в. И все-таки, пережив революцию и гражданскую войну, сталинские репрессии, гнет цензуры и самоцензуры, интеллигенция России прошла (хотя и с большими потерями) реформы 1990-х гг., сохранив доверие народа к интеллигенции в целом, как к носителю знания, как интеллектуальному лидеру нации. Речь идет не только о доверии к слову высоких интеллектуалов: Д. Лихачева, А. Солженицина, Д. Гранина. Интеллигенция излечивает страну от самой страшной болезни: разрушения культурных традиций. Деятельность российской интеллигенции способствует согласованию различных интересов отдельных слоев, «склеиванию» общества в единое целое, в единую российскую нацию.

Интеллигенция, как устоявшаяся историко-социологическая конструкция, как устоявшийся объект научных исследований, несмотря на все потрясения 90-х гг., вошла в XXI век. Отсутствие крупных научных (прежде всего исторических) работ о судьбах интеллигенции в послевоенный период (и до начала XXI в.) затрудняет и даже делает расплывчатым, видение самого предмета исследования. Расплывчатость изображения предмета, однако, еще не говорит об его отсутствии.

России нужна интеллигенция. Необходим социальный слой, способный формулировать моральные принципы жизни, поддерживать нравственный уровень общества. Умеющий способствовать формированию правового государства; интеллектуализировать атмосферу в стране.

Примечания

¹ Орлов С.Б. Интеллигенция как мифологический феномен. Историко-социологический анализ // Социс. 2001. № 11. С. 51–58.

² Рывкина Р.В. Интеллигенция в постсоветской России – исчерпание социальной роли // Социс. 2006. № 6. С. 138–146.

³ Магарил С.А. Исчерпана ли социальная роль интеллигенции? // Социс. 2007. № 1. С. 132–139.

⁴ Укажем, например, на ежегодно проводимые в Екатеринбурге в 90-х гг. – 2004 г. Всероссийских научных конференций, посвященных различным проблемам изучения интеллигенции. К сожалению, тяжелая болезнь руководителя лаборатории УРГУ по изучению интеллигенции России – М.Е. Главацкого – прервала эту работу.

⁵ См.: Главацкий М.Е. История интеллигенции России как исследовательская проблема. Историографические этюды. Екатеринбург, 2003. С. 5–28.

⁶ Там же. С. 18–21.

⁷ Орлов С.Б. Интеллигенция как мифологический феномен. Историко-социологический анализ С. 52.

⁸ Там же. С. 53.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 54.

¹¹ См. например: Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М., 1971; Она же. Русская интеллигенция в 1900–1917 гг. М., 1981; Чуфаров В.Г. Старая дореволюционная и новая советская интеллигенция: опыт сравнительного анализа // Российская интеллигенция: XX в. Тез. докл. и сообщ. Науч. конф. Екатеринбург, 1994. О современных исследованиях интеллигенции см. подробно: Соскин В.Л. Современная историография советской интеллигенции России. Новосибирск, 1996; История интеллигенции России в биографиях ее исследователей. Екатеринбург, 2002.

¹² Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. С. 52, 53, 66, 70.

¹³ Олещук Ю.Ф. Полуинтеллигенция. // Свободная мысль. 2002. № 10. С. 27.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 28.

¹⁶ Там же. С. 29.

¹⁷ Красильников С.А. Интеллигенция в контексте квази-гражданской войны в конце 20-х – начале 30-х гг. // Культура и интеллигенция сибирской провинции в годы «великого перелома». Новосибирск. 2000. С. 40–41.

¹⁸ Там же. С. 42.

¹⁹ Кондрашева М.И. К вопросу о традициях российской интеллигенции // Интеллигенция России в конце XX в.: система духовных ценностей в исторической динамике. Тез. Докл. и сообщ. Всерос. Науч. конф., посвященной памяти профессора В.Г. Чуфарова. Екатеринбург, 1998. С. 39.

²⁰ Красильников С.А. Конформизм российской интеллигенции как социальная ценность в XX в. (дискуссионные заметки) // Интеллигенция России в конце XX в.: система духовных ценностей в исторической динамике. С. 43.

²¹ Лейбович О.Л. Интеллигенция в новой России: распад культурной среды // Интеллигенция России в конце XX в.: система духовных ценностей в исторической динамике. С. 46.

²² Лейбович О.Л. Интеллигенция в новой России: распад культурной среды С. 45.

²³ См.: Федюкин С.А. Советская власть и буржуазные специалисты. М., 1965; Главацкий М.Е. Историография формирования интеллигенции в СССР. Свердловск, 1987; Соскин В.Л. Современная историография советской интеллигенции России. Новосибирск, 1996; М.И. Кондрашева. К вопросу о традициях российской интеллигенции.

²⁴ Олещук Ю.Ф. Полуинтеллигенция. С. 27.

²⁵ Рыбкина Р.В. Интеллигенция в постсоветской России – исчерпание социальной роли. С. 139.

²⁶ Там же. С. 140.

²⁷ Магарил С.А. Исчерпана ли социальная роль интеллигенции? С. 133.

²⁸ Лейбович О.Л. Интеллигенция в новой России: распад культурной среды. С. 47.

²⁹ Магарил С.А. Исчерпана ли социальная роль интеллигенции? С. 134.

*Э.А. Черноухов
(Екатеринбург)*

Дело Е.М. Мосцепанова

Громкое дело учителя Выйского училища Демидовых в 1820–1821 гг. Евлампия Максимовича Мосцепанова, дошедшее до самого императора, получило относительно широкую известность, неоднократно упоминалось в работах по истории народного образования и освободительного движения на Урале¹. При этом различные материалы, сохранившиеся в архивных фондах РГАДА и ГАСО, позволяют более обстоятельно рассмотреть многие аспекты противостояния, внести некоторые коррективы в существующие излишне идеологизированные оценки.

Николай Никитич Демидов (1773–1828), вступивший в управление Нижнетагильским горным округом в 1791 г., одним из первых среди уральских заводчиков стал проводить патерналистский курс в своей социальной политике. Именно он заложил основы нового отношения к крепостным работникам², следствием которого стало создание обширной социальной инфраструктуры (медицинские, учебные и благотворительные заведения) в округе в первой половине XIX в.

Н.Н. Демидов, а затем и его наследники были уверены, что главные учителя и врачи могут реально быть только «из посторонних лиц» (для Нижнетагильских заводов – Э.Ч.), с которыми местная контора должна уживаться. Располагавшие значительными средствами заводовладельцы имели возможность обеспечить нанимаемым вольным учителям и врачам достойное материальное содержание и значительный социальный статус: бесплатная «господская» квартира, прислуга, экипаж для выездов и т. п.

Однако Демидовы не могли обеспечить «посторонним» учителям и врачам соответствующего отношения местного административного персонала и круг общения на далеком Урале. В тот период времени в заводских поселках региона, где подавляющая масса населения находилась в крепостной зависимости, царили весьма «дикие» нравы, во многом основанные на прямом насилии. Поэтому сам Н.Н. Демидов в письме управляющим Нижнетагильской конторы (1821 г.) отмечал, что образованному человеку, «который воспитан в столице или губернском городе трудно привыкнуть к такому образу жизни».